DOI 10.15826/izv2.2016.18.3.053
УДК 051:087.5 + 808.1 + 81’276

А. А. Брыкова
Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия

ЭВИДЕНЦИАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ОБРАЩЕНИЙ (на материале журналов для детей «Еж» и «Чиж» 1928–1941 гг.)

В статье исследуются обращения, обнаруживающиеся в вопросительных и ряде утвердительных предложений, вычлененных из журналов для детей «Еж» (1928–1935) и «Чиж» (1930–1941). Журналы «Чиж» и «Еж» — одни из наиболее значимых и своеобразных детских журналов советского периода, а обращение — один из элементов речевого этикета нового советского общества, который используется для решения ряда прагматических задач. Основная причина интереса лингвистов к обращению заключается в его одновременной связи с языковой реальностью, как единицы уровня синтаксиса, и внеязыковой реальностью социальных отношений в обществе. В статье делается предположение о том, что обращения в рассматриваемых контекстах реализуют особую прагматическую функцию, выступая в роли своеобразного маркера эвиденциальности, т. е. указания на канал информации. Эвиденциальное приращение обращений свидетельствует о том, что в рамках речевого акта они используются как указание на канал информации синкретичного свойства, достоверность которого обосновывается социальной ролью референта обращения. Помимо понятия о канале информации обращение актуализирует факт сообщения и характер информации. В свою очередь, эвиденциальный потенциал обращения стоит в прямой зависимости от его позиции в рамках текстового отрезка и от его лексического наполнения. Предпочтение в этом случае отдается социально значимым лексемам из тематических групп «Семья», «Должности и профессии», что в более широком плане является одним из способов реализации познавательной и воспитательной функций советских детских журналов, одна из целей которых — адаптация детей в новом обществе.

Ключевые слова: обращение; журнал для детей; категория эвиденциальности; эвиденциальное приращение; канал информации; характер информации; тематическая группа.

Категория эвиденциальности, указывающая на источник информации, привлекает внимание отечественных и зарубежных лингвистов, потому что, будучи категорией уровня высказывания, находится в тесной связи с категориями эпистемической модальности и адмиративности.

Р. О. Якобсон в статье «Шифтеры, глагольные категории и русский глагол» [Якобсон] относит эвиденциальность к разряду шифтерных категорий, которые актуализируют внимание участников коммуникации на трех аспектах: факте сообщения, сообщаемой информации, источнике информации.

© Брыкова А. А., 2016

В современной лингвистике принято выделять языки, где эвиденциальность выражена грамматически (чаще всего формой глагола), и языки, где указание на источник информации производится с помощью средств разных языковых уровней, обычно лексического и синтаксического.

Вопрос о правомерности выделения категории эвиденциальности в языках, где она не имеет грамматических показателей, в том числе в русском языке, остается дискуссионным[1]. Отсутствие повторяющихся принципов маркирования делает границы категории размытыми и не всегда позволяет выделить прямую и косвенную эвиденциальность, так как отсутствие маркеров косвенной эвиденциальности не может свидетельствовать о реализации прямой эвиденциальности.

Исследования категории эвиденциальности в русском языке идут как в области грамматики, так и в области лексики [см.: Арутюнова, 2000; Булыгина, Шмелев; Падучева, 2013], при этом список возможных маркеров этой категории остается открытым.

Рассмотрение обращения с точки зрения наличия у него эвиденциального приращения, по терминологии Е. В. Падучевой [2013, с. 11], возможно, если принимать во внимание не только собственно обращение как маркер канала информации, но и два других аспекта — факт сообщения и характер информации.

В качестве материала исследования привлекались журналы «Чиж» и «Еж», выходившие в Ленинграде в период с 1928 по 1941 гг. и рассчитанные на детей младшего и среднего возраста. Журналы представляют большую художественную и культурную ценность, так как в них работали А. Введенский, Д. Хармс, Е. Шварц, В Бианки, Е. Чарушин, Н. Радлов, В. Коношевич и др., что определило качество произведений и их популярность среди читателей. К тому же журналы отражали основную воспитательную традицию советского периода, ориентированную на ознакомление читателя с новой реальностью и активное включение его в общество, актуализацию понятия авторитетов и четкую социальную стратификацию, не последнюю роль играющие и в случае отбора и использования обращений.

Факт сообщения

В рамках прагматического направления в лингвистике принято различать предложение и высказывание, где последнее определяется как реализация предложения в речи. С этой позиции обращение может рассматриваться как один из способов перевода предложения в статус высказывания, так как оно является словесным знаком коммуникантов: *Ребята! Вот что было четырнадцать лет назад. Рабочие победили помещиков и фабрикантов. Они свергли буржуазное правительство* [Чиж, 1931, № 9, с. 11].

[1] Так, А. Ю. Айхенвальд призывает различать «эвиденциальную систему» и «эвиденциальную стратегию», т. е. неграмматические способы указания на источник информации [Aikhenvald, p. 18–20].

Обращение актуализирует коммуникативный аспект высказывания, указывая на существование системы слушающего (речевой, перцептивной, пресуппозиционной), отличной от системы говорящего. В случае с вопросительными и утвердительными высказываниями (в статусе слов- предложений и собственно диалогических конструкций), обращение может рассматриваться как показатель хронологической обусловленности высказывания, его связи с предыдущим высказыванием и ориентированности на последующее: *Товарищ капитан! кричу. — Как прикажите править? <...> А он* (громкоговоритель на корабле. — *А. Б.*) *опять: — Поворот влево! — Да, ведь, вы сами, товарищ капитан...* (приказывали влево не поворачивать. — *А. Б.*) [Чиж, 1935, № 6, с. 20]; *«Чиж, отчего же разорвалась бутылка* (на плите. — *А. Б.*)*? Ведь пороху в ней не было». Верно, Витя. Пороху в бутылке не было, но зато там был воздух* [Чиж, 1934, № 1, с. 20].

Хронологическая обусловленность является одной из важных характеристик категории эвиденциальности, так как указание на источник информации предполагает соотнесение момента сообщения с временем сообщаемого и временем, когда информация, посредством различных источников, стала известна говорящему. В силу того, что категория эвиденциальности чаще всего выражается соответствующими формами глагола (в болгарском языке, например), она стоит в непосредственной связи с предикативностью, также и с указанием на время.

Существует подробная классификация источников информации, включающая в себя зрительный, слуховой и логические информационные каналы (инферентив и презумптив по терминологии И. А. Мельчука), а также ссылки на сторонние источники — цитатив [Мельчук, с. 199]. Это дает возможность предполагать, что указание на источник информации является возможным не только относительно информации, имевшей место в прошлом, но и будущей информации, что становится еще одним поводом для развития гипотезы о наличии у обращений эвиденциального потенциала.

Характер сообщаемого

Обращение — компонент предложения, указывающий на участников коммуникации и обнаруживающее тесную связь с социальной реальностью. К основным функциям обращения принято относить контактоустанавливающую и императивную функции, так как оно «выражает два взаимодействующих и взаимосвязанных признака — вокативность и императивную модальность» [Дмитриева, с. 6].

Статус обращения в рамках предложения или — шире — синтаксического целого остается дискуссионным. Среди мнений о том, следует ли обращение рассматривать в качестве единицы, не связанной с предложением или же связанной координационной связью [Шахматов, с. 261; Руднев, с. 179–180], или о том, что обращение является специфическим типом номинативного предложения [Проничев, с. 54–67], наиболее убедительным кажется отнесение обращения

в разряд речевых актов, реализующих свой прагматический потенциал в рамках текстового отрезка [Арутюнова, 1999, с. 115–120].

В этом случае при анализе обращений в целом и его эвиденциального потенциала в частности необходимо учитывать как тип предложения, так и тип предиката, т. е. характер сообщаемого.

В исследованном материале обращения с предполагаемым эвиденциальным приращением были в основном отмечены в вопросительных и ряде утвердительных предложений, относящихся к речевым жанрам просьбы, а также жанрам согласия / несогласия.

Вопросительные предложения

По мнению Р. Ницоловой, вопросительные предложения с эвиденциальностью «связаны с пресуппозициями, которые представляют предположения говорящего об источнике информации слушающего о пропозиции, которая является истинным ответом на вопрос Q» [Ницолова, с. 119][2].

В исследованном материале чаще всего отмечались специальные вопросы с предикатами действия, состояния, локации (по классификации А. Мустайоки [Мустайоки, с. 186]), с указаниями на объект, субъект, причину, цель или направление соответственно. *Зачем это вы, доктор, обрызгали медведя?* [Еж, 1930, № 18, с. 13]; *Мама, а почему он* (милиционер. — *А. Б.*) *свой синий фонарь не погасит* (во время тревоги. — *А. Б.*)? [Чиж, 1937, № 11, с. 7].

Тип эвиденциальности в приведенных выше примерах определяется в том числе по формам глагола. Эвиденциальность принято считать эгоцентрической категорией, где «эвиденциальный показатель ориентирован исключительно на говорящего» [Падучева, 2013, с. 20].

В вопросительных предложениях, где происходит перенос «ориентации эгоцентриков с говорящего на слушающего» [Там же, с. 19–20], употребление обращения может рассматриваться одновременно как прямая и как косвенная эвиденциальность (обычно инферентив или презумптив), в зависимости от контекста: *Довольны ли вы платой, Николай Иванович?* [Чиж, 1930, № 3, с. 6]; *Скажите, товарищ капитан, — сказал Санька, — это и есть пароходы?* [Еж, 1930, № 19–20, с. 22]. Вопрос с формами глагола 2-го лица, а также с личным местоимением 2-го лица в поддерживающей функции позволяет предполагать у обращения прямой эвиденциальный потенциал, так как говорящий хочет получить информацию, касающуюся слушающего, от самого слушающего, на что и указывает обращение.

Среди специальных вопросов отдельного упоминания требуют вопросы, построенные по схеме *кто из* + личное местоимение + предикат с обращением: *А кто из вас, ребята, стихи знает?* [Чиж, 1935, № 9, с. 5].

[2] О возможности обнаружения показателей эвиденциальности в том числе и в вопросах говорит применительно к русскому языку Е. В. Падучева: «Разве невозможны показатели эвиденциальности, скажем, в контексте вопроса, которые не есть сообщение информации» [Падучева, 2013, с.19].

Вопросы такого типа вместе с обращением, в позиции которого в исследованном материале обычно появляется лексема *ребята*, решают прагматические задачи характеризации и классификации. Слово *ребята* является исторически обусловленным: оно вошло в широкое употребление только в 1920-е гг. и значительно расширило свое денотативное значение: «Прежде, обращаясь к малышам, мы всегда говорили: дети. Теперь это слово повсюду вытеснено словом *ребята*. Оно звучит и в школах и в детских садах <...>. Прежде ребятами назывались только крестьянские дети (наравне с солдатами и парнями)» [Чуковский, с. 22].

Классифицирующий принцип является определяющим для маркеров эвиденциальности: прямая эвиденциальность предполагает визуальный канал информации, косвенная — все остальные. Указанное разделение базируется на основных понятиях психологии восприятия и логики, в меньшей степени учитывая специфику процесса коммуникации и прагматическую нагруженность коммуникативных элементов.

Гипотеза о наличии у обращений эвиденциального приращения позволяет говорить о том, что классификационный признак в той или иной мере сохраняется, но основа этой классификации будет уже не психологической и не логической, а социальной: *Ребята очаговцы и школьники! Как вы помогаете колхозу?* [Чиж, 1932, № 1, с. 13]; *Друзья «Ежа» не пионеры — те ребята, которые работают по журналу, выполняют задания редакции, помогают зарубежным ребятам, помогают строить советские дирижабли! Мы спрашиваем у вас, почему вы еще не пионеры?* [Еж, 1931, № 12, с. 6].

В случае отсутствия в вопросе указания на совпадение субъекта вопроса и субъекта обращения, обращение приобретает косвенный эвиденциальный потенциал, на что указывают основные маркеры канала информации: *Ниточка* (кошка. — *А. Б.*), *— сказала Маша, — ты не знаешь, где мама? А Ниточка в ответ замяукала* [Чиж, 1935, № 5, с. 1]; *Ребята, как по-вашему, можно ли у трамвайного вагона отрубить буфера?* [Чиж, 1934, № 2, с. 21]. Глаголы ментального действия с этикетной частицей *не* в сложноподчиненных предложениях, которая формально переводит их в разряд общих вопросов, а также специфические наречия типа *по-вашему* относятся к маркерам презумптива и инферентива.

Помимо специальных вопросов в исследованном материале были также отмечены общие вопросы с обращениями: *Ребята, видели вы в цирке дрессированных зверей дедушки Дурова* [Чиж, 1933, № 7, с. 8]; *Папочка, а ты ему* (ежу. — *А. Б.*) *позволишь у нас остаться? — попросила Шурка* [Еж, 1928, № 9, с. 5]; *Можно мне повидать своего отца, доктор?* [Чиж, 1938, № 8, с. 6]. В качестве предикатов в этих вопросах могут выступать глаголы действия в форме прошедшего времени, а также модальные слова, которые на речевом уровне маркируют жанр просьбы (на что указывают и глаголы в повествовательных отрезках текстов, например *попросить*). В этом случае, так как речь идет скорее о разрешении на совершение некого действия, чем на сообщение информации, вопрос о наличии эвиденциального потенциала у обращений, вероятнее всего, остается открытым. При этом специфика категории эвиденциальности, предполагающая

маркирование эвиденциальности косвенной, позволяет говорить, что эвиденциальное приращение для обращений характерно в том случае, если они становятся показателями именно косвенной эвиденциальности, так как в этом случае само появление обращения более прагматически нагруженно.

Общие вопросы с частицами *разве* и *неужели*, которые также были отмечены в исследуемом материале, актуализируют вопрос о взаимодействии категории эвиденциальности с категорией эпистемической модальности, сущность которой заключается в выражении говорящим своего отношения к истинности сообщения: — *Дожили! Ребят на машины меняют! — Да что ты, кума, неужели?* [Еж, 1931, № 12, с. 2]; *Мне папа подарил глобус и сказал, что земля такая же, как этот глобус <...> Чиж! Разве земля в середине пустая?* [Чиж, 1934, № 1, с. 21]. Вопрос о возможности включения категории эвиденциальности в категорию эпистемической модальности остается дискуссионным. Одни исследователи склонны считать эвиденциальность и эпистемическую модальность разными категориями [см., например: Мельчук; Храковский; Козинцева; Aikhenvald], другие указывают на определенную зону их пересечения [см.: Ницолова]. Показательно, что, например, Е. В. Падучева разграничивает цитацию и цитатив на основе того, что последний предполагает разделение ответственности за истинность сообщаемого между говорящим и тем, кого он цитирует [Падучева, 2011].

Если принять во внимание то, что необходимость в указании на источник информации может возникнуть только в рамках прагматически нагруженной передачи информации, то вопрос о ее истинности становится актуальным[3]. Указание на источник информации становится одним из способов акцентирования внимания, в том числе и на информации, истинность которой, как и истинность канала сообщения, может быть подвергнута сомнению со стороны слушающего.

Говорили с Петей дети:
— Петя, Петя, ты ученый —
Говорят они ему:
— Облетает лист зеленый,
Объясни нам почему
И ответил Петя:<...>
Лист зеленый облетает <...>
Потому что он плохими
К ветке нитками пришит.
Услыхали это дети
И сказали:
— Что ты, Петя,
Неужели в самом деле,

[3] Особенно если учесть, что для обозначения категории эвиденциальности нередко также используют его русский аналог з а с в и д е т е л ь с т в о в а н н о с т ь, производящее которого, как и в случае английского слова *evidence*, содержит в своем лексическом значении сему истинности.

В самом деле
Это так?

[Чиж, 1932, № 11–12, с. 1]

В приведенном примере обращение является и указанием на источник информации, и указанием на саму информацию, а частица *неужели* — маркером эпистемической модальности, отражающим сомнение говорящего как в достоверности источника информации, так и в истинности самой информации.

Тот же принцип построения текстового отрезка можно видеть в случае, если обращение появляется в предложениях, представляющих собой согласие или несогласие: *«Можно ли долететь до солнца?» <...> Нет, Женя, самолетом до солнца долететь не могут, как бы высоко они ни летали* [Чиж, 1934, № 1, с. 21]; *Ты прав, тов. Сафонов, когда говоришь, что рассказов с приключениями появлялось в 1933 году мало* [Еж, 1933, № 12, с. 32]. Здесь обращение выступает как указание на источник информации и одновременно как отсылка к самой информации, являясь дополнительным способом текстовой связности в рамках своеобразного диалога между читателями и работниками журналов.

Канал сообщения

Формирование эвиденциального потенциала обращения во многом зависит от семантики слов, стоящих в его позиции. Значение имеет понятие социальной роли, определяющее ожидания участников коммуникации, в том числе и относительно того, может ли референт выступать в роли достоверного источника информации, что накладывает свои ограничения на речевое наполнение позиции обращения.

В исследованном материале в позиции обращения с эвиденциальным потенциалом были отмечены лексемы тематических групп «Семья», «Должности и профессии», а также имена собственные и слова тематической группы «Животные» (в сказочных жанрах).

Наибольшим потенциалом среди указанных тематических групп обладают слова тематических групп «Семья» и «Должности и профессии», так как в рамках художественных произведений для детей они выступают как речевые маркеры людей с более высоким статусом (по отношению к герою-ребенку или читателю-ребенку), а также с бóльшим опытом и знаниями: — *Отец, откуда на небе взялись лягушки? — спросил Жанно* [Чиж, 1941, № 4, с. 8]; *Зачем это вы, доктор, обрызгали медведя?* [Еж, 1930, № 18, с. 13].

Имена собственные в позиции обращения встречались применительно как к детям, так и ко взрослым, при этом эвиденциальный потенциал последних следует рассматривать как более высокий: *Мы устали, — кричат мальчики. — Николай Яковлевич, скажите ему, мы весь день качали* (воду. — *А. Б.*) [Еж, 1929, № 2, с. 16].

Отдельного упоминания требуют имена собственные — названия журналов, употребленные в позиции обращения в метонимической функции и появляющиеся в рамках общения между читателями-детьми и работниками журналов. «*Милый Чиж, — пишет Аня Дорошко из Твери. — Я отморозила себе щеку и теперь боюсь выходить на улицу. Посоветуй мне, как сделать, чтобы не отмораживать щеки*» [Чиж, 1934, № 1, с. 2]. Эвиденциальный потенциал обращения объясняется тем, что его референтом становятся работники журнала, оцениваемые читателями как возможный источник достоверной информации.

С точки зрения лексического наполнения позиции обращений, обладающих эвиденциальным потенциалом, выявляются ограничения на использование оценочных лексем, в первую очередь с негативной семантикой, так как они чаще всего переводят вопрос в косвенный императив и не предполагают реакции со стороны адресата. *Она* (мама. — *А. Б.*) *сказала: — Ах ты, противный мальчишка, зачем ты убежал на улицу?* [Чиж, 1937, № 6, с. 4]. Исключения составляют лексемы с положительной семантикой: *Ты, знаменитый математик, сумеешь ли решить наши задачи?* [Еж, 1932, № 5–6, с. 25]. Подобного рода словосочетания могут считаться еще одним указанием на пересечение категории эвиденциальности и эпистемической модальности, так как оценочное прилагательное является маркером уверенности говорящего относительно истинности запрашиваемой информации (или же наличия способностей).

Эвиденциальный потенциал обращения зависит не только от его речевого наполнения и типа речевого акта и жанра, но и от позиции обращения в текстовом отрезке. Примеры показывают, что более частотной позицией в этом случае становится неначальная позиция, так как здесь обращение не реализует контактоустанавливающую функцию, его появление является факультативным и потому более прагматически нагруженным[4].

Выводы

Таким образом, исследование конкретных примеров показывает, что обращение может использоваться в качестве своеобразного маркера эвиденциальности, так как не только указывают на канал информации, но и актуализирует факт сообщения, а также характер информации.

Обращения с эвиденциальным приращением обнаруживаются в вопросительных, а также в утвердительных словах-предложениях с разными типами предикатов — действия, состояния, идентификации, при совпадении и несовпадении субъекта обращения и субъекта / объекта речевого акта. В последнем

[4] Вариативность в позиционном размещении обращения, вероятно, может быть связана со способом оформления речевого акта: в исследованном материале в вопросах с местоимениями причины обращения фиксировались в начальной позиции, если там отсутствовало междометие: *Ребята! — крикнул я. — Почему у вас огонь без мягкого знака написан?* [Чиж, 1932, № 4–5, с. 3]; *А почему у тебя, командир, голова завязана?* [Чиж, 1935, № 6, с. 12].

случае эвиденциальное приращение более очевидно, так как обращение выступает в роли маркера косвенной эвиденциальности.

Гипотеза о наличии эвиденциального потенциала обращения позволяет также расширить понятие «канал информации», учитывая социальные основания классификации, что объясняет и набор лексем в позиции обращения, предполагающих в качестве референта человека определенного социального статуса и роли. Это, в свою очередь, еще раз обозначает онтологическую связь категорий эвиденциальности и эпистемической модальности, имеющих границы пересечения, и включается в общую воспитательную традицию, отраженную в советских журналах для детей.

Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М. : Языки русской культуры, 1999.

Арутюнова Н. Д. Показатели чужой речи *де*, *дескать*, *мол*. К проблеме интерпретации речеповеденческих актов // Язык о языке : [сб. ст.] / под общ. рук. и ред. Н. Д. Арутюновой. М. : Языки русской культуры, 2000. С. 437–449.

Булыгина Т. В., *Шмелев А. Д.* Гипотеза как мыслительный акт // Логический анализ языка. Ментальное действие : [сб. ст.] / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, Н. К. Рябцева. М. : Наука, 1993. С. 78–82.

Дмитриева Л. К. Обращение и вводный компонент. Лекции. Л. : ЛГПИ, 1976.

Еж : ежемесячный журнал для детей старшего возраста. Л. : Гос. изд-во, 1928–1935.

Козинцева Н. А. Типология категории засвидетельствованности // Эвиденциальность в языках Европы и Азии : сб. ст. памяти Натальи Андреевны Козинцевой / Рос. акад. наук, Ин-т лингв. исслед. ; отв. ред. В. С. Храковский. СПб. : Наука, 2007. С. 6–36.

Мельчук И. А. Курс общей морфологии : [в 4 т.]. Т. 2. Ч. 2 : Морфологические значения. М. ; Вена : Языки русской культуры : Венский славистический альманах, 1998.

Мустайоки А. Теория функционального синтаксиса. От семантических структур к языковым средствам. М. : Языки славянской культуры, 2010.

Ницолова Р. Модализированная эвиденциальная система болгарского языка // Эвиденциальность в языках Европы и Азии : сб. ст. памяти Натальи Андреевны Козинцевой / Рос. акад. наук, Ин-т лингв. исслед. ; отв. ред. В. С. Храковский. СПб. : Наука, 2007. С. 107–196.

Падучева Е. В. Показатели чужой речи: *мол* и *дескать* [Электронный ресурс] // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 70 (3). 2011. URL: http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf1/ksenomarkery.pdf (дата обращения: 06.10.2015).

Падучева Е. В. Есть ли в русском языке грамматически выраженная категория эвиденциальности? // Рус. яз. в науч. освещении. 2013. № 2 (26). С. 9–29.

Проничев В. П. Синтаксис обращения. (На материале рус. и сербохорв. яз.). Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1971.

Руднев А. Г. Синтаксис осложненного предложения. М. : Учпедгиз, 1959.

Храковский В. С. Эвиденциальность, эпистемическая модальность, (ад)миративность // Эвиденциальность в языках Европы и Азии : сб. ст. памяти Натальи Андреевны Козинцевой / Рос. акад. наук, Ин-т лингв. исслед. ; отв. ред. В. С. Храковский. СПб. : Наука, 2007. С. 600–628.

Чиж : ежемесячный журнал для детей младшего возраста. Л. : Гос. изд-во, 1930–1941.

Чуковский К. И. Живой как жизнь: о русском языке. М. : Зебра Е, 2010.

Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. М. : Эдиториал УРСС, 2001.

Якобсон Р. О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя : [сб. ст. / сост. и предисл. О. Г. Ревзиной] ; АН СССР. Ин-т востоковедения. М. : Наука, 1972. С. 95–113.

Aikhenvald A. Y. Evidentiality in typological perspective // Studies in evidentiality / eds. A. Y. Aikhenvald, & R. M. W. Dixon. Amsterdam : John Benjamins Publish. Company, 2003. (Typological Studies in Language, Vol. 54). P. 1–32.

Статья поступила в редакцию 03.02.2016 г.

Брыкова Александра Андреевна
аспирант кафедры русского языка
Санкт-Петербургский государственный университет
199034, Санкт-Петербург,
Университетская наб., 11
E-mail: kakoslik88@yandex.ru

Brykova, Aleksandra Andreevna
Postgraduate Student,
Russian Language Chair
Saint Petersburg State University
11, Universitetskaya Emb.,
199034 Saint Petersburg, Russia
E-mail: kakoslik88@yandex.ru

THE EVIDENTIAL POTENTIAL OF FORMS OF ADDRESS (With Reference to Children's Magazines *Yozh* and *Chizh* (1928–1941))

The paper considers forms of address found in different types of questions and some types of affirmative sentences. The analysis is based on contexts taken from children's magazines *Yozh* (Eng. "Hedgehog") (1928–1935), and *Chizh* (Eng. "Siskin") (1930–1941) which were among of the most significant and original Soviet children's magazines. Forms of address are a speech element of the new Soviet society that serves to solve a number of pragmatic purposes. The main reason for linguistic attention to forms of address is due to their connection to linguistic reality as a syntactic unit and the extralinguistic reality of social relations. The author puts forward a hypothesis that the forms of address in the contexts under consideration have a special pragmatic function of an evidential marker, i.e. an indicator of the information source. The evidential connotation of the forms of address testifies to the fact that they are used as an indicator of the source of syncretic information whose existence is proved by the social role of the addressee. Except for the notion of the information source, the form of address substantiates the message itself and the type of information. In its turn, the evidential potential of the form of address directly depends on its position within the text and its lexical meaning. In this case, preference is given to socially important lexemes from the topic-specific groups, namely, family, offices and occupations, which — on a larger scale — are a means to realize the cognitive and educational functions of the Soviet children's magazines, one of whose goals was to adapt children to the new society.

K e y w o r d s: form of address; children's magazine; category of evidentiality; evidential connotation; information source; information features; thematic group.

Aikhenvald, A. Y. (2003). Evidentiality in Typological Perspective. In A. Y. Aikhenvald, & R. M. W. Dixon (Eds.), Studies in evidentiality. *Typological Studies in Language* (Vol. 54, pp. 1–32). Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2003.

Arutyunova, N. D. (1999). *Jazyk i mir cheloveka* [Language and Human World]. Moscow: Yaz. rus. kul'tury. (In Russian)

Arutyunova, N. D. (2000). Pokazateli chuzhoi rechi *de*, *deskat'*, *mol*. K probleme interpretatsii rechepovedencheskikh aktov [Markers of Another Person's Speech *De*, *Deskat'*, *Mol*. To the Issue

of Speech and Behavior Acts Interpretation]. In N. D. Arutyunova (Ed.), *Iazyk o iazyke* [Language on Language] (pp. 437–449). Moscow: Jaz. rus. kul'tury. (In Russian)

Bulygina, T. V., & Shmelyov, A. D. (1993). Gipoteza kak myslitel'nyi akt [Hypothesis as a Mental Act]. In N. D. Arutyunova, & N. K. Ryabtseva (Eds.), *Logicheskii analiz iazyka. Mental'noe deistvie* [Logical Analysis of Language. Mental Act] (pp. 78–82). Moscow: Nauka. (In Russian)

Chizh. Ezhemesiachnyi zhurnal dlia detei mladshego vozrasta [Monthly Magazine for Young Children]. (1930–1941). Leningrad: Gos. izd-vo. (In Russian)

Chukovskij, K. I. (2010). *Zhivoj kak jizn: o russkom jazyke* [Alive Like Life: On the Russian Language]. Moscow: Zebra E. (In Russian)

Dmitrieva, L. K. (1976). *Obrashchenie i vvodnyj komponent. Lekcii* [Forms of Address and Parenthetical Component. Lectures]. Leningrad: LGPI. (In Russian)

Khrakovskij, V. S. (2007). Evidentsial'nost', epistemicheskaia modal'nost', (ad)mirativnost' [Evidentiality, Epistemic Modality, Admiration]. In V. S. Khrakovskij (Ed.), *Evidentsial'nost' v iazykakh Evropy i Azii. Sbornik statei pamiati Natal'i Andreevny Kozintsevoi* [Evidentiality in the European and Asian Languages. A Collection of Articles in Memory of Natalia Andreevna Kozintseva] (pp. 600–628). Saint Petersburg: Nauka. (In Russian)

Kozintseva, N. A. (2007). Tipologiia kategorii zasvidetel'stvovannosti [The Typology of the Evidential Category]. In V. S. Khrakovskij (Ed.), *Evidentsial'nost' v iazykakh Evropy i Azii. Sbornik statei pamiati Natal'i Andreevny Kozintsevoi* [Evidentiality in the European and Asian Languages. A Collection of Articles in Memory of Natalia Andreevna Kozintseva] (pp. 6–36). Saint Petersburg: Nauka. (In Russian)

Mel'chuk, I. A. (1998). *Kurs obshchei morfologii* [Common Morphology Course] (Vols. 1–4). (Vol. 2, Part 2: Morfologicheskie znacheniia [Morphological Meanings]). Moscow; Vein: Yazyki russkoi kul'tury: Venskij slavisticheskij al'manakh. (In Russian)

Mustajoki, A. (2010). *Teoriia funktsional'nogo sintaksisa. Ot semanticheskikh struktur k iazykovym sredstvam* [Functional Syntax Theory. From Semantic Structure to Linguistic Expressions]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury. (In Russian)

Nitsolova, R. (2007). Modalizirovannaia evidentsial'naia sistema bolgarskogo iazyka [The Modalized Evidential System of the Bulgarian Language]. In V. S. Khrakovskij (Ed.), *Evidentsial'nost' v iazykakh Evropy i Azii. Sbornik statei pamiati Natal'i Andreevny Kozintsevoi* [Evidentiality in the European and Asian Languages. A Collection of Articles in Memory of Natalia Andreevna Kozintseva] (pp. 107–196). Saint Petersburg: Nauka. (In Russian)

Paducheva, E. V. (2011). Pokazateli chuzhoi rechi. *Mol* i *deskat*' [Markers of Another Person's Speech. *Mol* and *Deskat'*]. *Izvestija RAN. Serija literatury i yazyka, 70 (3)*. Retrieved from http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf1/ksenomarkery.pdf. (In Russian)

Paducheva, E. V. (2013). Est' li v russkom iazyke grammaticheski vyrazhennaia kategoriia evidentsial'nosti? [Is There Evidentiality as a Grammatical Category in Russian?]. *Russkij yazyk v nauchnom osveshchenij*, 2 (26), 9–29. (In Russian)

Pronichev, V. P. (1971). *Sintaksis obrashhenija. (Na materiale russkogo i serbohorvatskogo jazykov)* [Syntax of Forms of Address. (with Reference to Russian and Serbo-Croatian)]. Leningrad: Lenin. State Univ. Publ. (In Russian)

Rudnev, A. G. (1959). *Sintaksis oslozhnjonnogo predlozhenija* [The Syntax of a Complex Sentence]. Moscow: Uchpedgiz. (In Russian)

Shakhmatov, A. A. (2001). *Sintaksis russkogo iazyka* [Russian Language Syntax]. Moscow: Editorial URSS. (In Russian)

Yakobson, R. O. (1972). Shiftery, glagol'nye kategorii i russkii glagol [Shifters, Verbal Categories and the Russian Verb]. In O. G. Revzina (Ed.), *Printsipy tipologicheskogo analiza iazykov razlichnogo stroia* [Principles of Typological Analysis of Languages of Different Structures] (pp. 95–113). Moscow: Nauka. (In Russian)

Yozh. Ezhemesiachnyi zhurnal dlia detei starshego vozrasta [Monthly Magazine for Older Children]. (1928–1935). Leningrad: Gos. izd-vo. (In Russian)

Received 3 February 2016